

A woman with dark hair and blue eyes, wearing a blue long-sleeved dress, stands in the center of a stone bridge. The bridge is lined with statues of women in long dresses, each holding a glowing red lantern. The bridge spans a body of water, with a city skyline on the left and a forest with a waterfall on the right. The scene is misty and atmospheric.

Гари Нор

ЭМПАТИЯ.ЕХЕ

Гари Нор

Эмпатия.exe

Серия «Эмпатия.exe», книга 1

<https://litres.ru/73731749>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история женщины, которая теряет себя, пытаясь выжить в мире, где эмоции стали главной валютой. Ещё вчера — безработный архитектор с почти нулевым рейтингом и горой долгов. Сегодня — эмпат высшей категории, способная по заказу чувствовать радость, грусть или любовь.

Плата за новый мир — нейроинтерфейс у виска, превращающий её чувства в товар, а её саму — в идеальную, пустую оболочку. И когда цена свободы становится слишком высокой, ей предстоит понять: что останется от неё самой, если все чувства уже проданы?

Содержание

ЧАСТЬ 1: «ПОДКЛЮЧЕНИЕ»	4
Глава 1: «Архитектор пустоты»	4
Глава 2: «Стеклянный муравейник»	19
Глава 3: «Анатомия чувств»	30
Глава 4: «Запах уходящих»	42
Глава 5: «Цена победы»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Эмпатия.exe

ЧАСТЬ 1: «ПОДКЛЮЧЕНИЕ»

Глава 1: «Архитектор пустоты»

Это утро, как и все предыдущие, начинается с красного – пульсирующего алого треугольника на потолке. Алиса давно научилась его игнорировать, хотя поначалу он будил её среди ночи паникой: то ли пожар случился, то ли, что ещё хуже, дверь кто-то взломал. Теперь-то она знает – это просто неоновая вывеска «Продукты 24» за окном, пробивающаяся сквозь тонкую штору. Но писк, доносящийся от телефона на тумбочке, игнорировать сложнее: настойчивый, требовательный. Когда рука наконец нащупывает холодный пластик, экран подтверждает худшие ожидания: «ПРОСРОЧКА ПЛАТЕЖА – 3 ДНЯ. Подключите автоплатёж или свяжитесь с банком».

Уведомление отправляется в смахивающий жест – даже без попытки дочитать до конца. Алиса и так знает этот стандартный набор угрозино-участливых формулировок: «реструктуризация», «социальный тариф», «рейтинг ниже среднего». Ещё вчера она потратила два часа, пытаясь вдолбить банковскому роботу, что архитектор без работы – это не

преступление, а всего лишь стечение обстоятельств. На что робот, вежливый до омерзения, неизменно отвечал: рейтинг 47 из 100 до кредитных каникул не дотягивает. Когда-то, в школе, у неё было девяносто восемь, а теперь сорок семь – и это падение длиной в жизнь уместилось в одну строчку на экране.

Рывком сев на кровати, она ловит момент, когда комната плывёт перед глазами. Вчера снова забыла поесть – увлеклась рассылкой резюме: пятьдесят три штуки за неделю при нуле ответов. В углу на спинке стула сиротливо висит платье – в нём она ходила на последнее собеседование месяца назад. Там сказали: «У вас впечатляющее портфолио, Алиса, но мы ищем человека, способного чувствовать запрос клиента». Смысл этой фразы дошёл до неё только на выходе из офиса, когда взгляд упёрся в рекламный щит напротив.

На щите была Катя.

Катя, с которой они вместе учились в институте, – та самая, что сидела на подоконнике общежития и курила в форточку, прячась от комендантши; трижды завалившая сопро-мат. Теперь Катя смотрела со щита огромными влажными глазами. Под фотографией значилось: «КАТЯ. 8-я неделя. ЭМОЦИИ ЖИЗНИ. Подпишись на трансляцию моего счастья за 199#/мес», а чуть ниже мелким шрифтом: «Проект "Будущие мамы" от корпорации FutureSense». Алиса застыла посреди тротуара, разглядывая однокурсницу. Та была на шестом месяце и транслировала свою беременность в сеть

– тысячи людей платили деньги, чтобы чувствовать то же, что чувствует Катя: когда ребёнок толкается, когда она ест клубнику, когда будущий отец гладит её по животу. И Катя, не способная построить простейшую эпиюру, зарабатывала больше, чем Алиса за всю свою лучшую жизнь.

Телефон снова подаёт голос – на этот раз уведомление от матери. Алиса смотрит на него так, будто он может укусить, но всё же берёт и читает: «Доченька, ты смотрела программу вчера? Там показывали девочку, которая купила квартиру за полгода эмпатии. Просто чувствовала грусть по заказу – и купила квартиру. Может, и тебе попробовать? Ты же у меня такая чувствительная всегда...» И Алиса думает: мать не понимает. Она застряла в старом мире, где работа была работой, а чувства – просто чувствами. Родившись в прошлом тысячелетии, она так и не сумела принять, что мир изменился. Хотя иногда Алисе кажется, что это мать права, а все остальные дружно сошли с ума. Но потом она открывает новости и видит заголовки: «Эмпат года получил премию 50 миллионов», «Как эмоциональный интеллект стал главной валютой», «FutureSense открывает набор в новую программу "Глубокие чувства"». От одного этого названия к горлу подкатывает тошнота. FutureSense – гигант, монополист, корпорация, первой запатентовавшая технологию нейроимплантов и теперь владеющая почти всем рынком эмоций. С их лозунгом «Чувствуй лучше», обещанием «Никогда не будешь один» и их проклятием: они сделали чувства товаром. Если

ты не умеешь продавать свои эмоции – ты никто.

Встав с кровати, она бредёт в ванную. Зеркало встречает её женщиной, которой нет тридцати четырёх, но выглядит она на все сорок: синяки под глазами, тусклые волосы, кожа цвета вчерашнего кофе. Попытка улыбнуться рождает гримасу – Алиса отворачивается: смотреть на это существо нет сил. На обратном пути задевает стопку книг на полу – Достоевский, Кафка, Платонов. Всё, что она таскала за собой из общаги в общагу, с одной съёмной квартиры на другую. Мать каждый раз говорила: «Выкинь ты это старьё, они есть в любой онлайн-библиотеке». Но Алиса не могла – бумага пахнет детством, пахнет отцом, который читал ей вслух «Белые ночи» и плакал в конце, будучи сентиментальным дураком, пока однажды не ушёл, когда ей исполнилось двенадцать, сказав: «Я больше ничего не чувствую к маме, доча. Это нечестно – притворяться». Тогда она не понимала, как можно перестать чувствовать; теперь понимает, слишком хорошо.

Кофеварка – единственная дорогая вещь в этой квартире – радостно урчит, оповещая, что напиток готов. Налив чашку, Алиса садится за стол, открывает ноутбук и видит сорок семь непрочитанных писем. Из них тридцать девять – реклама, восемь – уведомления от банка, налоговой, службы рейтинга. И одно письмо, от которого сердце пропускает удар: отправитель «FutureSense HR», тема «Вакансия мечты?». Минуту она просто смотрит на эти слова, не решаясь открыть. Потом всё-таки кликает и читает: «Уважаемая

Алиса! Наша система подбора персонала проанализировала ваш публичный цифровой профиль и обнаружила высокий потенциал эмпатического отклика. Мы приглашаем вас принять участие в уникальном проекте – программе "Эмпатия", финалисты которой получают эксклюзивные контракты с корпорацией. Никакого опыта не требуется. Никаких специальных навыков. Только ваша способность чувствовать. Вы готовы узнать своё истинное предназначение?» И дальше ссылка на регистрацию и стандартная юридическая информация, которую никто никогда не читает. Алиса закрывает письмо, открывает снова, закрывает. Кофе тем временем успевает остыть. Перед глазами всплывает Катя на щите с её пустыми глазами и рекламной улыбкой, потом голос матери: «Ты же у меня такая чувствительная», потом отец, который слишком много чувствовал и поэтому ушёл, потом она сама вчерашняя – сидящая в кафе с бесплатным вай-фаем, делающая вид, что пьёт кофе, который не может себе позволить, лишь бы не сидеть дома без интернета.

Телефон пикает снова: банк напоминает, что сегодня последний день для оплаты коммунальных услуг, при неплатеже услуга будет приостановлена. На экране баланс – 340 рублей. До зарплаты в кофейне, где она подрабатывает три раза в неделю, ещё пять дней. Кофейня платит 500 рублей в час, но дают всего двенадцать часов в неделю, потому что «вы переквалифицированы, мы боимся, что вы уйдёте, как только найдёте работу по специальности». Хотя она не уйдёт, она

никуда не уйдёт, вот уже два года она никуда не может уйти. Пальцы сами набирают адрес из письма.

Сайт FutureSense встречается плавной анимацией – лица людей сменяют друг друга: улыбающиеся, плачущие, смеющиеся, задумчивые, и под каждой цифрой рейтинга и цена подписки. Внезапно Алиса замечает знакомое лицо – Виктор, её бывший коллега по архитектурному бюро, разорившемуся три года назад. Виктор улыбается с экрана, подпись гласит: «ВИКТОР. Эмпат страха. 98% чистоты. Одна эмоция всего за: 1499#». Виктор, который строил гениальные мосты, теперь продаёт свой страх. Палец сам нажимает «Подробнее о программе», услужливый сайт перекидывает на страницу с заявлением: «Программа "Эмпатия" – это шанс раскрыть свой внутренний потенциал. Мы ищем людей, способных чувствовать глубже, чище, искреннее. Мы дадим вам инструменты. Вы дадите нам свои эмоции. Вместе мы сделаем мир лучше. Нажмите "Согласен", чтобы начать путь к себе настоящему». Внизу пульсирует огромная синяя кнопка «СОГЛАСЕН». Алиса смотрит на неё, не в силах отвести взгляд, а курсор замирает прямо над кнопкой.

В ушах звучит вчерашний голос матери по видео: «Алиса, у тебя лицо как у мертвеца. Ты вообще что-нибудь чувствуешь?» И она думает о том, что чувствует: утром – красный свет и страх, днём – усталость и отчаяние, вечером – пустоту. Разве это считается? И мысль об отце, ушедшем, потому что чувствовал слишком много, – интересно, что бы он сказал,

увидев её сейчас? Наверное: «Ты чувствуешь слишком мало, доча. Это тоже нечестно». Курсор дрожит над кнопкой, и в этот момент телефон, лежащий на столе, оживает новой трелью.

Звонит Катя.

Алиса смотрит на экран, на имя, и чувствует странный укол – смесь зависти, любопытства и желания услышать живой голос, не робота, не уведомления. Она отвечает.

– Алиска, привет! – голос Кати звенит, переливается, в нём столько жизни, что даже через динамик кажется, будто она сейчас выпрыгнет из телефона. – Ты где? Я тут в центре, подписала новый контракт, хочу отметить! Давай встретимся в «Кофе и Круассаны», я угощаю. Лена и Серёжа тоже будут. Приходи, сто лет не виделись!

Алиса смотрит на пульсирующую кнопку «Согласен», на баланс 340 рублей, на фотографию Виктора, продающего страх, и думает: почему бы и нет? Всё равно она не может сейчас принять решение. Нужно проветрить голову, отвлечься от этих мыслей. А кофе за чужой счёт – то, что она может себе позволить.

– Хорошо, – говорит она. – Буду через полчаса.

Она закрывает ноутбук, накидывает куртку и выходит на улицу.

–

В кафе пахнет свежей выпечкой и кофе – настоящим, не из автомата. Катя уже сидит за столиком у окна, рядом

с ней Лена и Серёжа. Катя сияет, прямо светится изнутри – наверное, от нового контракта. Лена похудела, подстриглась и смотрит с какой-то новой, уверенной ленцой. Серёжа, как всегда, громкий, жестикулирует, на коленях новенький планшет.

– Алиска! – Катя вскакивает, обнимает её, и Алиса чувствует этот знакомый запах её духов, но в объятиях есть что-то... запрограммированное? Слишком правильное. Катя отстраняется и машет официантке: – Девочка, нам ещё один капучино и круассан!

– Ты чего такая кислая? – Серёжа пододвигает ей стул. – Всё ещё без импланта ходишь? Слушай, ну это же прошлый век. Мы вчера с Леной на премьеру ходили, триллер с усиленными эмоциями – я чуть с кресла не упал от страха, а Лена рыдала в голос. Это кайф, реально! Ты просто не представляешь, как это обостряет впечатления.

Лена кивает, и Алиса замечает, как её глаза на секунду становятся влажными – будто она всё ещё досматривает тот фильм.

– Ага, – подтверждает Лена. – И после можно отчёт посмотреть: сколько процентов страха, сколько радости, какие моменты самые сильные. Удобно.

– А зачем вам отчёт? – спрашивает Алиса, и вопрос повисает в воздухе неловкой тишиной.

Катя смеётся – тем самым звонким смехом, который, Алиса знает, был частью её рекламного образа, но теперь, кажет-

ся, стал её настоящей сущностью.

– Ну как зачем? Чтобы понимать, что ты чувствуешь. Без импланта это же как вслепую. А тут – полная ясность. И потом, рейтинг растёт, если эмоции качественные. Мне, например, недавно предложили контракт на трансляцию утреннего кофе. Представляешь? Люди платят, чтобы чувствовать то же, что я, когда пью кофе. Вот этот, например, – она кивает на чашку перед собой, – я сейчас пью, и уже двадцать три подписчика получают удовольствие вместе со мной. А ты всё архаикой страдаешь.

– Я архитектор, – тихо говорит Алиса. – Мне нужно чувствовать по-настоящему. Линии, пространство...

– Да брось, – перебивает Серёжа. – Архитектура тоже эмоциями живёт. А с имплантом ты будешь чувствовать их чище. Клиенты сразу поймут, что ты гений. А так... ну, извини, но кто сейчас оценит «настоящее», если его нельзя измерить?

Алиса молчит, глядя в свою чашку. Она вспоминает отца, его карандаш на ватмане, его слова: «Линия должна чувствовать бумагу». Что бы он сказал про эти «усиленные эмоции»? Наверное, просто покачал бы головой и ушёл в свою мастерскую.

– Ладно, не давите на неё, – вмешивается Лена, но в её голосе нет защиты, только снисходительность. – Каждый сам выбирает. Хотя, Алис, правда, без импланта сейчас неудобно. Даже кофе заказать – везде скидки по биометрии, а ты

всё наличными...

– У меня карта есть, – огрызается Алиса, но внутри всё сжимается. Она действительно чувствует себя ископаемым. Динозавром, который ещё не вымер, но уже обречён.

Катя рассказывает о новом контракте – его условия, гонорар, перспективы. Серёжа делится планами на запуск собственного канала эмоций. Лена показывает в планшете график своего рейтинга за последний месяц – ровная зелёная линия, ползущая вверх. Алиса кивает, улыбается, но внутри нарастает знакомое чувство – то самое, с которым она просыпалась сегодня утром: липкое, холодное, безысходное. Она здесь лишняя. Она всегда была лишняя в этом мире, где чувства стали валютой, а искренность – подозрительной роскошью.

Когда кофе допит и круассаны съедены, Катя рассчитывается по биометрии, не глядя на чек. Они выходят на улицу, и морозный воздух бьёт в лицо, вырывая Алису из оцепенения. Серёжа, не переставая листать телефон, вдруг издаёт удивленный возглас:

– О, смотрите! Антон-то наш, помните? Фотку выложил.

Он поворачивает экран к остальным. На фото Антон обнимает девушку с длинными светлыми волосами, оба смеются, глядя друг на друга. Подпись: «Она сказала "ДА"».

– Ого, – тянет Лена. – Алис, это же твой бывший, да? Помолвка, круто.

– Счастливый.

– Ага, счастливый, – эхом отзывается Серёжа.

Алиса смотрит на фотографию, и внутри что-то обрывается. Не больно, нет – просто щелчок. Она переводит взгляд на улыбающуюся девушку, на знакомое лицо Антона, на закат за их спинами. И вдруг, как вспышка, перед глазами встаёт детство: она бежит босиком по лужам, мать кричит: «Простудишься!», а ей всё равно, потому что вода тёплая после дождя и пахнет свободой. Где теперь та девочка, которая плакала над книжками и смеялась так громко, что соседи стучали по батареям? Она умерла, или спит, или её продали за долги.

Но внутри, вопреки всему, поднимается что-то горячее, почти забытое – не зависть, нет, а вопрос, который бьётся в висках: почему он достоин, а я нет? Почему он может быть счастлив, а я сижу здесь с 340 рублями на счету и наблюдаю за его жизнью через экран?

– Алис, ты чего? – Катя касается её плеча. – Побледнела вся.

– Всё нормально, – Алиса выдавливает улыбку. – Просто устала. Пойду я, ребят. Спасибо за кофе.

Она почти бегом сворачивает за угол и несётся домой, не разбирая дороги. В голове пульсирует одно: 340 рублей, кнопка «Согласен», лицо Антона, лужи, запах свободы. Всё смешалось в один отчаянный комок, который толкает вперёд, не даёт остановиться.

Дома она, не снимая куртки, бросается к ноутбуку. От-

крывает крышку. Курсор замирает над пульсирующей синей кнопкой. Она смотрит на неё и думает о Кате, о Лене, о Серёже, об отце, о матери. О том, что выбор уже сделан. Не сегодня, не сейчас, а тогда, когда мир изменился, а она осталась прежней. И теперь либо меняться, либо исчезнуть.

Она нажимает «Согласен».

Экран мигает, загружая предупреждение: «Вы подтверждаете добровольное участие в программе нейроимплантного тестирования. Будут обрабатываться биометрические данные. Нажмите "Да" для продолжения». Она нажимает «Да», даже не дочитав. Ещё один экран: «Спасибо, Алиса! Ваша заявка принята. Первый этап отбора состоится завтра в 10:00 по адресу: проспект Мира, д. 217, корпус 3, офис FutureSense. При себе иметь паспорт или документ, подтверждающий личность. Явка строго обязательна». Она трижды перечитывает сообщение, отмечая про себя, что проспект Мира, 217 – это в центре, тот самый стеклянный небоскрёб, который видно из любой точки города. Сколько раз она проходила мимо, глядя на идеальных людей, входящих в стеклянные двери. И теперь она будет одной из них – на один день, может, на два, потому что вероятность, что возьмут, один к тысяче, если верить слухам. Но хотя бы увидит это место изнутри, сможет рассказать матери, что попробовала, что не сдалась.

Опустившись на диван – сил на кровать уже не осталось, – она смотрит в потолок. Серый, с пятном от протечки, на

которое хозяйка забила уже два года. Это пятно похоже на карту неизвестной страны, и Алиса любит рассматривать его перед сном, придумывая, как спроектировала бы город на этом месте – город, где люди не продают свои чувства, а просто живут.

Видеозвонок выдёргивает её из полудрёмы. На экране мать, встревоженная, как всегда: «Алиса, ты чего не отвечала? Я уж думала, случилось что». Алиса отвечает: «Всё нормально, мам. Я заявку отправила. Во FutureSense». Мать замолкает, и её лицо меняется – страх сменяется чем-то вроде надежды: «Правда? Алиса, это же... это же замечательно! Я так рада! Там у моей подруги дочь работает, теперь вон какую квартиру в центре снимает. И машину купила. Ты главное держись там, покажи себя. Ты же у меня такая умная, такая чувствительная...» Алиса отвечает «Угу», не отрывая взгляда от потолка, от страны неизвестной. А мать продолжает: «Завтра надень то синее платье, которое я тебе дарила. Оно тебя молодит». – «Угу». – «И волосы причеши. А то выглядишь как... ну ты поняла». – «Поняла, мам». – «Я в тебя верю, доча. Ты справишься». Мать отключается, а Алиса продолжает лежать, глядя, как пятно-страна подмигивает ей в свете уличной рекламы, и думает о том, что завтра она пойдёт продавать свои чувства – если они у неё ещё остались.

Она пытается представить завтрашний день, но в голове только обрывки: стеклянные двери, толпа людей, её собственное отражение. И почему-то этот образ не пугает, а да-

же успокаивает – как будто она уже перестала быть собой и стала кем-то другим, кем-то, у кого есть цель. В памяти всплывает ещё одно – отец, не тот, что уходит, а другой: он сидит рядом с ней за столом, её рука в его руке, и он водит карандашом по ватману, выводя идеально ровную линию, и говорит: «Чувствуешь? Бумага должна дышать. Линия должна чувствовать бумагу. Не дави, просто веди, как будто гладишь». Его ладонь – тёплая, надёжная, пахнущая табаком и типографской краской – лежит поверх её детской ладони. Алиса закрывает глаза, пытаясь удержать это тепло, но оно уходит, тает, оставляя только холод простыни.

За окном шумит ночной город. Редкие машины проезжают по лужам, и звук этот похож на вздохи – город дышит, живёт, чувствует. Алиса встаёт с дивана, подходит к окну, проводит пальцем по выщерблине на старом подоконнике – шершавый край, сколотая краска, настоящая, не имитация. Она стоит так минуту, слушая, как под пальцем пульсирует холод камня. Потом возвращается на диван, ложится и снова смотрит на пятно на потолке.

340 рублей – завтра на кофе хватит.

Она не знает, что именно её ждёт, но внутри, где-то глубоко, под слоями усталости и отчаяния, теплится маленький огонёк – не надежда даже, а просто любопытство: а что будет дальше?

И этого достаточно, чтобы уснуть.

Она готова.

Или ей только кажется.

Глава 2: «Стеклянный муравейник»

И снова красный – в первую секунду Алиса вздрагивает: неужели это продолжение вчерашнего дня? Но телефон на тумбочке показывает другое число, и она вспоминает: сегодня тот самый день, ради которого нажала на кнопку «Согласен». За окном ещё темно, всего пять утра, но сна нет ни в одном глазу – организм, привыкший к бессоннице, подводит именно тогда, когда можно было бы поспать подольше.

Она поднимается, идёт в душ и долго стоит под горячей водой, пытаясь проснуться по-настоящему, а заодно вспомнить, кто она – архитектор без работы, дочь без отца, женщина без мужчины, человек без чувств. Хотя нет, чувства есть, просто они запряты глубоко, как вода в пустыне: если копнуть, найдёшь, но копать страшно. Сегодня ей предстоит копать – или позволить другим покопаться в ней. От этой мысли по спине бежит холодок, не имеющий отношения к температуре воды.

Из шкафа появляется синее платье. Мать права – оно красивое: шёлк, глубокий синий цвет, куплено в лучшем магазине три года назад, когда Алиса ещё верила, что всё наладится. Надев его, она снова смотрится в зеркало. Оттуда глядит женщина, которая могла бы быть красивой, если бы не

глаза – пустые окна в заброшенном доме. Платье не молодит, оно просто скрывает. Но выбора нет. Схватив сумку с документами, она выходит из квартиры.

Лестничная клетка пропахла кошками и капустой – соседи снизу опять варят щи. Лифт не работает третью неделю, так что приходится спускаться пешком, считая ступени: сто семнадцать. На бегу она думает о том, что считала их сотни раз, и каждый раз это были просто ступени. А сегодня они почему-то кажутся особенными – как будто она не спускается вниз, а поднимается вверх, к чему-то новому. И это ощущение новизны немного кружит голову.

Улица встречает холодом и спешкой. Люди бегут по своим делам, не глядя друг на друга – у всех в ушах наушники, перед глазами телефоны. Никто не смотрит по сторонам, никто не замечает, что осень уже вступила в свои права и листья на асфальте лежат золотыми монетами, которые никто не подбирает. Алиса идёт к остановке, и ей кажется, что она единственная, кто видит эту красоту. Или, может быть, единственная, кто позволяет себе её видеть, потому что у остальных нет времени – они спешат зарабатывать деньги, чтобы купить чувства, которые природа даёт бесплатно.

Автобус приходит через десять минут. Зайдя в салон, Алиса прикладывает карту к валидатору – красный свет, недостаточно средств. Приходится достать наличные — и бросить в кассу водителю. Тот смотрит на неё с сочувствием: «Держитесь, девушка». Она держится – что тут скажешь.

Автобус трогается, увозя её через весь город. Проплывают знакомые улицы, дома, вывески. Вот школа, где она училась. Вот институт, который она закончила с красным дипломом. Вот бюро, где она работала и строила мосты, которые теперь соединяют берега реки. Мосты стоят, а безработный архитектор едет по ним в автобусе. В этом есть какая-то горькая ирония, от которой хочется смеяться, но сил нет.

Небоскрёб FutureSense возникает задолго до остановки – стеклянная игла, воткнутая в небо, отражает облака. Чем ближе, тем больше людей вокруг, все идут туда же – молодые, красивые, уверенные. Почти у всех такие же синие платья и строгие костюмы, почти копии друг друга. Выйдя из автобуса, Алиса вливается в поток. Стеклянные двери небоскрёба разъезжаются, пропуская внутрь.

В холле яблоку негде упасть. Сотни людей выстроились в очередь к стойкам регистрации, сидят на диванах, пьют бесплатный кофе из автоматов. Воздух пахнет свежестью и деньгами. Стены переливаются цветом – от спокойного голубого к тёплому жёлтому, реагируя на количество людей и их напряжение. Алиса застывает на пороге, пытаясь осмыслить масштаб происходящего. Она никогда не была в таких местах. Даже в лучшие времена, когда работала в бюро, их офис был скромным, с обшарпанными стенами и скрипучими стульями. А здесь каждый сантиметр дышит роскошью и технологичностью – от этого перехватывает дыхание.

Автомат выдаёт номерок – 487, табло сообщает: «Ваша

очередь: примерно 45 минут». Найдя свободное место на одном из кожаных диванов, Алиса садится и принимается наблюдать. Рядом сидит девушка, которая нервно теребит край платья; парень, уткнувшийся в телефон; пожилая женщина с идеальной осанкой. Много разных людей, и всех их объединяет одно – они здесь, потому что хотят чувствовать или потому что надеются, что их чувства кому-то нужны. Алиса пытается представить, какие у каждого из них истории, но быстро понимает, что это бесполезно: слишком много лиц, слишком много судеб. Они все сливаются в одну пёструю массу, над которой пульсируют стены, меняя цвет с голубого на жёлтый и обратно.

Среди этой массы взгляд Алисы останавливается на ней – девушке, которая сидит в углу, отдельно от всех, и смотрит прямо перед собой невидящим взглядом. Лет двадцать пять, симпатичная, хорошо одета, но лицо... лицо кажется ненастоящим, как у восковой фигуры. Ни морщинки, ни эмоции, ни тени мысли – гладкая маска, в которой только глаза живут отдельной, пугающей жизнью. Алиса ловит себя на том, что не может отвести взгляд. Девушка вдруг медленно поворачивает голову, смотрит прямо на неё, и на мгновение в этом стеклянном взгляде проскальзывает что-то человеческое – то ли мольба, то ли предупреждение, то ли просто отражение Алисиного собственного страха. А потом девушка отворачивается и снова застывает, как статуя.

Рядом с Алисой на диван присаживается парень в очках с

толстой оправой – такие сейчас не носят, значит, либо стилизация, либо просто бедный. Он нервно крутит в руках телефон, то и дело поглядывая на табло. Что-то в его лице кажется Алисе знакомым – не конкретными чертами, а выражением, той смесью надежды и страха, которую она сама чувствует каждое утро. И она решается заговорить:

– Волнуетесь? – спрашивает она, удивляясь самой себе: обычно она не заговаривает с незнакомцами.

Парень вздрагивает, оборачивается – лицо нервное, дёрганое, но глаза живые, очень живые, и это сразу отличает его от большинства вокруг, чьи взгляды кажутся стеклянными, как у манекенов.

– А? Что? Да нет, просто... первый раз здесь. Вы тоже в первый? – отвечает он, и голос у него тоже живой, с хрипотцой, как будто он не выспался или много курит.

– Тоже, – кивает Алиса, и почему-то от этого короткого диалога ей становится легче, будто она не одна в этом стеклянном муравейнике.

– Я Марат, – он протягивает руку. Алиса пожимает – ладонь сухая и горячая, рукопожатие крепкое, уверенное, не такое, как у многих, кто боится показать силу.

– Алиса.

– Красивое имя. Вы архитектор? – спрашивает он, обескураживая Алису.

– Откуда вы знаете?

Марат усмехается, и в этой усмешке чувствуется что-то

мальчишеское, почти озорное:

– Осанка. И руки. Чертежники всегда так пальцы держат, будто карандаш невидимый зажали. Я в IT работаю, посмотрелся на проектировщиков. У нас в офисе целый отдел сидит, так они все такие – вечно что-то чертят в воздухе, даже когда кофе пьют.

Алиса невольно смотрит на свои руки – действительно, пальцы чуть согнуты, будто держат грифель. И она ловит себя на том, что впервые за долгое время замечает эту привычку, которая была с ней все годы учёбы и работы, а потом куда-то ушла. Но, оказывается, никуда не делась – просто стала незаметной.

– А вы? – спрашивает она. – Зачем вы здесь? Тоже хотите продавать эмоции?

Марат оглядывается по сторонам, будто проверяя, не слышит ли кто, и понижает голос:

– Не продавать. Понять, как эта хрень работает изнутри. Вы же не верите в этот бред про «чистые эмоции»? Это же просто нейростимуляция. Вживят нам чипы и будут дёргать за ниточки, как марионеток. А мы будем плакать и смеяться по заказу, считая, что это наши настоящие чувства.

Алиса смотрит на него с недоумением:

– Тогда зачем вы идёте? Если вы так уверены, что это обман?

– А затем, – Марат наклоняется ближе, и его глаза становятся серьёзными, почти колючими, – что если не я, то дру-

гой пойдёт. А я хочу понимать, как это остановить. Чтобы остановить, надо быть внутри. Знаете, как в хакерских фильмах: чтобы взломать систему, нужно стать её частью.

– Вы хакер? – Алиса не знает, смеяться ей или пугаться.

– Нет, я просто программист с принципами. И с доступом к некоторой информации, которую не стоит здесь обсуждать.

– Он кивает на стены, которые в этот момент становятся ярко-жёлтыми, и Алиса замечает, что вокруг стало шумнее – напряжение в толпе растёт.

Она снова смотрит в угол, где сидела девушка со стеклянным лицом, но та уже ушла – только пустой диван и чей-то забытый журнал.

– А та девушка, в углу... Вы её видели? – Алиса кивает в сторону пустого дивана. – Смотрела так странно, как будто... не знаю, как будто её уже нет.

Марат косится, и его лицо становится жёстче:

– Видел. Таких тут много. Прошлый набор, наверное. Или позапрошлый. Говорят, некоторые возвращаются, даже когда контракт заканчивается. Не могут уже без этого. Подсели на собственные чувства, как на наркотик. Только чувств у них уже не осталось – одна оболочка.

Они ещё некоторое время говорят о пустяках: о погоде, о том, как трудно найти работу, о кофе из автоматов, который здесь бесплатный и вкусный, а в городе за него дерут триста рублей. Марат рассказывает, что живёт в коммуналке с тремя соседями и мечтает о собственной квартире, но не такой,

как у эмпатов, а просто с высокими потолками и видом на реку. Алиса слушает и думает, что в этом парне есть что-то настоящее, то, чего она давно не встречала в людях, – может быть, искренность, может быть, наивность, а может быть, та самая эмпатия, которую здесь пытаются измерить цифрами.

Табло загорается: «487 – окно 12». Алиса поднимается, чувствуя, как сердце уходит в пятки. Марат кивает:

– Удачи. Может, ещё увидимся. Если пройдёте дальше, ищите меня. У меня номер 512, запомните.

– Запомню, – отвечает Алиса и идёт к окну 12, где за стеклом женщина с идеальной укладкой и идеальной улыбкой проверяет документы, сканирует лицо, снимает отпечатки пальцев и говорит: «Присядьте, пожалуйста. Сейчас подойдёт доктор для первичной консультации».

Алиса садится на предложенный стул и вдруг замечает, что в этой комнате нет окон – только стены, которые мягко светятся голубым. Этот свет успокаивает, хотя, возможно, это его цель – успокаивать, чтобы люди не паниковали перед тем, что их ждёт. Она смотрит на свои руки, на платье, на туфли, которые натирают, и думает о том, что сейчас решится её судьба. От этой мысли внутри всё сжимается, как пружина.

Дверь справа открывается, и в комнату входит женщина в белом халате – лет сорока, холодное красивое лицо, внимательные глаза, которые, кажется, видят насквозь. Она протягивает руку и представляется:

– Анна Вишневская. Можно просто Анна. Пройдёмте.

Алиса встаёт и следует за ней по коридору, который переливается всеми цветами радуги. Каждый шаг отдаётся эхом в груди.

Кабинет Анны Вишневской оказывается не кабинетом, а прозрачной сферой в центре здания – стёкла, стёкла, стёкла, и за каждым движется жизнь, сотни людей, как муравьи в муравейнике. Анна жестом предлагает сесть, сама садится напротив и без предисловий кладёт на стол планшет.

– Контракт. Читайте, подписывайте. Вопросы можете задавать по ходу.

Алиса берёт планшет. Экран плотно забит текстом, мелким, как в инструкции к лекарству. Юридические термины, пункты, подпункты, ссылки на какие-то статьи, которых она не знает. Она пытается читать, но глаза разбегаются, слова сливаются в одну длинную змею, и через минуту она понимает, что не запомнила ни строчки.

– А если я не соглашусь с каким-то пунктом? – спрашивает она робко.

Анна улыбается – холодно, вежливо, как учительница, объясняющая прописные истины:

– Контракт типовой. Утверждён юридической службой. Все кандидаты сегодня подпишут точно такой же. Если вы не согласны – можете встать и уйти. Никто не держит.

Эти слова звучат как приговор. Встать и уйти – туда, где 340 рублей на счету, где мать с её надеждами, где бесконеч-

ные дни без работы. Алиса смотрит на Анну, на её идеальное лицо, за которым ничего не прочесть, и ставит подпись.

– Отлично, – Анна забирает планшет. – Теперь пройдёмте в процедурную.

Процедурная оказывается маленькой комнатой без окон, с креслом, похожим на стоматологическое, и множеством мониторов. Алису просят лечь, поправляют под головой подушку, Анна садится рядом, надевая прозрачные перчатки.

– Сейчас будет лёгкий укол. Анестезия местная. Вы ничего не почувствуете.

Алиса кивает, хотя внутри всё сжимается. Холодный металл касается виска, потом резкая боль – на секунду, не больше, и правда, как укол. Анна что-то говорит ассистенту, на мониторах бегут цифры, и вдруг Алиса чувствует: в голове, где-то глубоко, под черепной коробкой, появляется оно. Не боль, нет – просто присутствие. Как будто в пустой комнате, где она жила одна, включили свет в соседней, и теперь там кто-то есть. Тёплый, чужой, пульсирующий в такт сердцу.

– Вживление завершено, – голос Анны доносится как сквозь вату. – Можете вставать.

Алиса садится, трогает висок – кожа чистая, ни следа. Но оно внутри – теперь всегда. Она смотрит на свои руки и вдруг замечает: кожа на пальцах кажется... нет, не чужой, а слишком своей, как будто она впервые видит эти руки, хотя видела их тысячи раз.

– Это нормально? – спрашивает она.

– Абсолютно. Отклик от импланта качественный. Идёмте, вас проводят в зону ожидания.

Алиса встаёт, делает шаг и останавливается. Ей кажется, или мир вокруг звучит иначе? Шаги ассистента отдаются эхом где-то внутри, под самым черепом, и это эхо – не просто звук, а что-то большее, почти эмоция. Она выходит в коридор, и цвета стен теперь видятся ярче, насыщеннее, будто кто-то подкрутил контрастность реальности.

Зона ожидания для прошедших – большой светлый зал, где сидят уже не сотни, а десятки людей. Алиса оглядывается, ищет знакомое лицо и находит его: в углу, заложив руки за голову, сидит Марат. Он смотрит на неё с кривой усмешкой.

– Ну что, архитектор, – говорит он, когда Алиса подходит, – теперь мы с тобой одной крови. Чувствуешь?

– Чувствую, – отвечает Алиса, садясь рядом. – Кажется.

Они молчат. В зале тихо, только стены мерцают мягким зелёным – цвет спокойствия, цвет надежды. Или цвет чужой воли, которая теперь управляет их чувствами.

Глава 3: «Анатомия чувств»

Она думала, что самое страшное уже позади – подписание контракта, который она даже не читала, потому что глаза разбегались от мелкого шрифта, а пальцы дрожали так, что ручка выскользнула, и та женщина в очках, принимавшая документы, смотрела с таким выражением, будто видела это тысячу раз и тысячу раз будет видеть ещё. Потом было вживление импланта – на самом деле не больно, всего лишь лёгкое давление у виска, холодок, а затем странное ощущение, будто в голове поселилось что-то чужое, тихое, почти незаметное, но присутствующее – как сосед за стеной, который не шумит, но ты знаешь, что он есть. Алиса тогда поймала себя на мысли, что это чувство знакомо: так в детстве, когда отец уже ушёл, но его вещи ещё не вынесли, она заходила в его комнату и ощущала пустоту, которая была плотнее, чем присутствие.

Теперь она сидит в комнате, похожей на учебный класс, но без окон, с мягко светящимися стенами, которые переливаются от зелёного к синему в зависимости от того, кто из инструкторов входит и выходит. Восемь человек вокруг – такие же, как она, прошедшие первый отбор, но лица у всех разные: кто-то взволнован, кто-то, наоборот, слишком спокоен, и это пугает больше, чем нервозность. Марат сидит через два кресла от неё и смотрит на свои руки, сложенные на

коленях, будто изучает линии судьбы. Алиса пытается поймать его взгляд, но он не поднимает головы.

В центре комнаты – голограмма, девушка с идеальным лицом и стеклянными глазами, которая представляется виртуальным ассистентом и начинает рассказывать о том, как устроена система «Эмпатия». Голос у неё ровный, приятный, без интонаций – такой же искусственный, как и она сама.

– Добро пожаловать на программу обучения, – говорит голограмма, и её губы двигаются в точном соответствии со словами, но глаза остаются неподвижными. – С этого момента вы становитесь частью большой семьи FutureSense. Ваш нейроимплант обновлен и подготовлен для трансляций, в течение двух недель мы будем учиться им пользоваться. Пожалуйста, обратите внимание на экраны перед вами.

Перед каждым креслом загорается прозрачная панель с информацией. Алиса смотрит на свой экран и видит столбец цифр и слов: «Текущий рейтинг: 0», «Коэффициент чистоты: не определён», «Доступные категории: 0/12». Она не понимает, что это значит, но голограмма уже объясняет:

– Эмоции делятся на двенадцать базовых категорий: радость, грусть, страх, гнев, удивление, отвращение, доверие, предвкушение, любовь, стыд, гордость, сострадание. Каждая категория имеет подкатегории и градации интенсивности. Ваша задача – научиться вызывать в себе любую из этих эмоций по запросу и транслировать её с максимальной чистотой.

Голограмма делает паузу, и Алиса чувствует, как внутри

неё что-то сжимается. Вызывать эмоции по запросу? Она, которая последние годы с трудом вызывала в себе хотя бы интерес к жизни.

– Коэффициент чистоты, – продолжает голограмма, – это процентное соотношение между вашей реальной эмоцией и эталонным сигналом. Чем выше чистота, тем ценнее ваш продукт. Сто процентов – идеал, к которому мы стремимся. Ноль процентов – отсутствие эмоции или её имитация, которая не представляет ценности для клиентов.

Голограмма делает ещё одну паузу, чуть дольше, и в её стеклянных глазах мелькает что-то похожее на снисходительную улыбку – жест, явно отрепетированный для нужного эффекта.

– Вы спросите: зачем нам живые люди, если существуют эталонные эмоции? – продолжает она, и голос её становится чуть мягче, доверительнее. – Ответ прост. Эталоны – это ширпотреб. Идеально, но безлико. Наши премиум-клиенты готовы платить миллионы не за «идеальную грусть», а за живое, уникальное переживание конкретного человека. Им нужен не просто сигнал, а отпечаток чужой души – со всеми рисками, болью и подлинностью, которые могут дать только живые эмпаты. Именно поэтому мы проводим этот отбор. Двадцать финалистов получают доступ к работе с элитными заказами и войдут в закрытую программу подготовки. Это шанс стать частью узкого круга профессионалов, чьи чувства действительно меняют мир.

– Но не будем забегать вперёд, – голограмма снова становится официальной. – Сначала вам предстоит пройти отбор. А для этого нужно понять правила.

Она переходит к объяснению рейтинговой системы, блоков и штрафов, но Алиса всё ещё прокручивает в голове только что услышанное. «Ширпотреб», «отпечаток души», «элитные заказы» – слова звенели в ушах, смешиваясь с гулом вентиляции и тихим шелестом стен, меняющих цвет.

Алиса вспоминает Катю на щите – неужели у неё сто процентов чистоты? Неужели можно быть счастливой на сто процентов по заказу? Или Катя действительно счастлива, потому что носит ребёнка, и просто делится этим счастьем? Мысли путаются, а голограмма тем временем переходит к правилам.

– Трансляция ваших эмоций идёт в автоматическом режиме двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, за исключением периодов, когда вы ставите блок. Блок можно активировать на интимные моменты, сон или личное время – это стоит дополнительной платы и вычитается из вашего гонорара. Рекомендуем использовать блок с осторожностью: каждый час без трансляции снижает ваш рейтинг лояльности системы.

Рейтинг. Это слово повторяется снова и снова. Рейтинг определяет всё: доступ к еде, жилью, медицине, даже к возможности видаться с семьёй. Чем выше рейтинг, тем больше привилегий. Чем ниже – тем ближе вы к исключению из про-

граммы. А исключение, как деликатно поясняет голограмма, означает не только потерю работы, но и необходимость возмещения финансовых затрат компании.

– Имплант – это часть вас теперь, – говорит голограмма, и в её стеклянных глазах мелькает что-то похожее на насмешку, хотя, конечно, это просто игра света. – Вы будите жить с ним всегда. Впрочем, если вы покинете программу, мы переведем его в пользовательский режим, и вы снова сможете свободно пользоваться нашей продукцией. Конечно, если не решите жить вне цивилизованного мира, где без нашей поддержки и калибровки он будет постепенно деградировать, вызывая головные боли и эмоциональные сбои.

Алиса сглатывает. В классе тихо, только слышно, как кто-то тяжело дышит – кажется, девушка слева от неё, молоденькая, с короткой стрижкой, побледнела так, что веснушки на носу стали похожи на россыпь тёмных точек.

– Но не волнуйтесь, – добавляет голограмма, и её голос становится почти ласковым, – если вы будете стараться и выполнять задания, вы никогда не столкнётесь с этими проблемами. FutureSense заботится о своих сотрудниках. А теперь – первое практическое задание.

Экраны гаснут, стены меняют цвет на тёплый оранжевый, и в комнату входят двое – мужчина и женщина в строгих костюмах, с планшетами в руках. Они представляются кураторами и объясняют задание:

– Вы разделитесь на пары. Ваша задача – в течение пят-

надцати минут вызвать друг у друга искреннюю симпатию. Не имитировать, не играть, а именно почувствовать. Мы будем отслеживать ваши показатели в реальном времени. По окончании задания каждый получит оценку чистоты своей эмоции. Победители получают бонусные баллы к рейтингу.

Алису охватывает паника. Вызвать симпатию? У неё? Она, которая последние два года избегала людей, потому что от них требовалось слишком много энергии, и которая даже с матерью разговаривает по видеосвязи только потому, что та сама звонит. Как она может заставить себя симпатизировать незнакомому человеку за пятнадцать минут?

Ей в пару достаётся парень по имени Денис – полноватый, лысеющий, с нервным тиком глаза. Он улыбается натянуто и говорит:

– Ну, погнали. Я постараюсь быть симпатичным.

Алиса пытается улыбнуться в ответ, но чувствует, что улыбка получается жалкой. Она смотрит на Дениса и пытается найти в нём что-то, что могло бы вызвать симпатию. Он рассказывает, что работал логистом, пока его не сократили из-за автоматизации складов, что живёт с матерью и мечтает вытащить её из социального жилья, что единственная радость в жизни – собака, дворняжка, которую он подобрал щенком. Он говорит об этом с такой теплотой, что Алиса на мгновение почти чувствует укол – но тут же понимает, что это не симпатия, а просто узнавание чужой боли, слишком похожей на её собственную. И этого мало. На экране её по-

казатели чистоты застыли на четырнадцать процентах.

Пятнадцать минут тянутся бесконечно. Денис продолжает рассказывать, но Алиса уже не слушает – она слишком сосредоточена на том, чтобы хоть что-то почувствовать, и это «слишком» убивает всё на корню. Когда время заканчивается, кураторы объявляют результаты. У Алисы – четырнадцать процентов. Это провал. Денис выдал шестьдесят три. У кого-то в группе – под восемьдесят. Алиса чувствует, как к горлу подступает тошнота. Она не сможет. Она никуда не годится. Зачем она вообще сюда пришла?

Она ищет глазами Марата. Он сидит в другом конце комнаты, и его показатели на общем экране – девяносто восемь процентов. Почти идеал. Алиса смотрит на него с завистью и вдруг замечает странное: когда кураторы отворачиваются, Марат быстро проводит пальцем по виску – там, где интерфейс, – и цифры на его панели на секунду сбиваются, потом снова выравниваются. Он что-то делает. Что-то, чего не должны видеть.

После занятия, когда всех отпускают на пятнадцатиминутный перерыв, Алиса подходит к нему.

– Как у тебя получается? – спрашивает она тихо, чтобы никто не слышал. – Девяносто восемь – это же почти идеал.

Марат оглядывается по сторонам, берёт её под локоть и отводит в угол, где стены отливают тёмно-синим – цвет приватности, как она потом поймёт.

– Ты заметила? – шепчет он. – Плохо, значит и они могут

заметить.

– Что ты делаешь?

– Систему можно обмануть, – говорит Марат, и в его глазах мелькает что-то хищное. – Я встроил в интерфейс эмулятор. Он анализирует эталонные паттерны эмоций из открытой базы и подмешивает их в мой сигнал. Понимаешь? Я чувствую от силы на тридцать процентов, но на экране это выглядит как девяносто восемь. Они видят не то, что я чувствую, а то, что я хочу показать. Технически это называется «инъекция данных» – старый хакерский трюк, просто адаптированный под нейроимплант.

Алиса смотрит на него с ужасом и восхищением.

– Но это же опасно. Если узнают...

– Не узнают, – перебивает Марат. – Я каждые два часа меняю сигнатуру, чтобы не попасть в детекторы аномалий. Но ты... ты, кажется, честная. Слишком честная для этого места. Слушай, если хочешь выжить, учись притворяться. Твои четырнадцать процентов – это не потому, что ты не чувствуешь. Это потому, что ты боишься чувствовать. А они, – он кивает в сторону кураторов, – ждут, что ты раскроешься. Но раскрываться им – значит отдать себя. Не делай этого.

Он отходит, оставляя Алису в смятении. Она смотрит на свои руки, на имплант, пульсирующий под кожей у виска, и думает: неужели весь этот проект – одна большая ложь? И если да, то зачем она здесь? Ради денег? Ради надежды? Ради того, чтобы доказать себе, что она ещё жива?

Второе задание – снова в парах, но теперь нужно вызвать не симпатию, а доверие. Алиса попадает в пару с той самой девушкой с веснушками, которую зовут Лена. Лена смотрит на неё испуганно, и в этом взгляде Алиса видит что-то знакомое – ту же пустоту, которую чувствует в себе. И почему-то это узнавание вызывает в ней первый за сегодня живой отклик.

Она смотрит на Лену и говорит:

– Не бойся. У нас получится.

Лена улыбается – робко, неуверенно, но искренне. И в этот момент Алиса чувствует что-то тёплое в груди. Она не знает, доверие ли это, но что-то точно есть. На экране её показатели ползут вверх – тридцать процентов, сорок, пятьдесят... Она смотрит на Лену и думает о том, что эта девушка, наверное, тоже пришла сюда от отчаяния, тоже хочет выжить, тоже боится. И это родство душ, пусть мимолётное, рождает в ней настоящую симпатию.

К концу упражнения у Алисы шестьдесят семь процентов. Лена – семьдесят два. Они обе выдыхают, и Лена шепчет:

– Спасибо. Ты помогла.

Алиса не знает, что ответить. Она смотрит на Марата, который снова выдаёт девяносто девять, и думает: может, он прав, что обманывает. Но может, и она права, что чувствует по-настоящему. Кто из них выживет в этой игре – покажет только время.

Кураторы объявляют конец занятия. Завтра – новый этап,

новое задание. Алиса выходит в коридор, и стены снова переливаются радугой, но теперь ей кажется, что эти цвета лгут. Как и всё здесь.

Лена догоняет её и берёт за руку:

– Слушай, – говорит она быстро, оглядываясь, – будь осторожна. Я здесь уже была. Меня отчислили, но имплант остался. Я вернулась, потому что без них не могу – головные боли, депрессия... Они знают, что делают. Они забирают тебя по кусочкам. Если сможешь – уходи. Прямо сейчас.

Алиса смотрит на неё и видит, что глаза у Лены действительно стеклянные – не как у голограммы, а как у человека, который выплакал все слёзы и теперь смотрит в пустоту.

– Почему ты мне это говоришь?

– Потому что ты сегодня была настоящей, – отвечает Лена. – Со мной. А здесь настоящих не любят. Здесь любят удобных.

Она уходит быстрыми шагами, и Алиса остаётся одна в переливающимся коридоре.

Она смотрит вслед Лене и чувствует, как внутри разрастается холод. Верить ли ей? Лена не похожа на сумасшедшую – она похожа на ту девушку со стеклянным взглядом, которую Алиса видела в холле в первый день. Ту, что сидела в углу и смотрела в пустоту. Неужели это ждёт всех, кто останется? Неужели имплант и правда высасывает душу по капле?

Алиса хочет догнать её, расспросить, но ноги не слушаются. Да и что это изменит? Она уже подписала контракт. В ней

уже живёт оно. И если Лена права, то у неё два пути: уйти сейчас и медленно угасать от головных болей и эмоциональных сбоев – или остаться и рискнуть потерять себя окончательно.

Но есть и третий путь, о котором говорил Марат. Взломать систему. Обмануть её. Остаться собой, играя по чужим правилам.

Алиса не знает, хватит ли у неё на это сил. Но знает одно: возвращаться к прежней жизни, к пустой квартире и красному треугольнику на потолке, она не хочет. Там её уже почти не было. Здесь хотя бы есть шанс.

Она идёт к выходу, и стены провожают её тёплым оранжевым – цветом заката, цветом надежды. Или цветом обмана.

Вечером, в общежитии для участников – крошечная комната с кроватью, столом и стеной-экраном, на который транслируются её показатели, – Алиса лежит и смотрит в потолок. Она думает о Лене, о Марате, о Денисе с его собакой, об отце, о матери, о Кате с рекламного щита. И о том, что завтра будет новый день, новое задание, и она снова будет пытаться чувствовать по заказу.

Имплант у виска тихо пульсирует, напоминая о себе. Алиса закрывает глаза и пытается вспомнить, что такое счастье. Вспоминает босые ноги в лужах, запах свободы, отца, читающего «Белые ночи».

Но слёз нет.

И это, по-настоящему жутко.

Глава 4: «Запах уходящих»

Пробуждение в общежитии для участников программы оказалось труднее, чем она думала, – не потому, что кровать была неудобной или стены слишком тонкими, а потому что имплант, этот тихий сосед за стеной, пульсировал у виска с настойчивостью, напоминая, что она больше не одна в собственной голове. И первые несколько минут после открытия глаз Алиса просто лежала, глядя в белый потолок без единого пятнышка, без намёка на карту неизвестной страны, и пыталась понять, изменилось ли что-то внутри за эту ночь или всё осталось по-прежнему, только теперь за ней наблюдают.

Экран на стене загорелся сам, без команды, явив идеальное лицо виртуального ассистента из вчерашнего класса обучения: «Доброе утро, Алиса. Ваш коэффициент ночной регенерации: 73%. Качество сна: среднее. Рекомендуем выпить стакан воды и выполнить дыхательную гимнастику для оптимизации утреннего эмопотока». Она хотела ответить, что ей не нужны рекомендации от голограммы, но вовремя вспомнила: с системой лучше не спорить, особенно когда твой рейтинг ещё нулевой, а впереди – второй этап отбора, про который все говорят шёпотом.

За дверь комнаты её ждал коридор, переливающийся мягким голубым, и группа таких же, как она, прошедших вчерашнее тестирование. Среди них Марат, который сидел

на подоконнике с видом человека, знающего что-то, чего не знают остальные; и Лена, та самая девушка с веснушками, что вчера благодарила её за поддержку; и ещё несколько лиц, которые Алиса уже начинала различать: высокая брюнетка с идеальной осанкой, нервный парень, постоянно грызущий ногти, пожилая женщина с добрыми глазами, пришедшая сюда, наверное, от одиночества, потому что в её возрасте продавать эмоции уже поздно.

Доктор Вишневская появилась бесшумно, как всегда в белом халате, и её холодное красивое лицо не выражало ничего, кроме профессионального интереса к подопытному материалу.

– Сегодня у вас практическое задание, – начала она без предисловий, и голос её разнёсся по коридору, заглушая шёпот и шорохи. – Вы поедете в хоспис. Там находятся люди, которым осталось жить от нескольких дней до нескольких недель. Ваша задача – провести с ними день. Не играть, не притворяться, а именно быть рядом. Слушать, смотреть, реагировать. Система будет фиксировать ваши эмоции в реальном времени. На выходе каждый получит оценку чистоты сострадания. Двадцать процентов с наивысшими показателями проходят дальше. Остальные – возвращаются к обычной жизни с возможностью повторной попытки через полгода.

Она сделала паузу, давая информации впитаться, Алиса почувствовала, как внутри всё сжалось в тугую комок: хоспис, смерть, чужая боль – и это нужно не просто выдержать,

а ещё и транслировать правильно, с нужным коэффициентом чистоты, словно она не человек, а прибор, измеряющий страдание.

В автобусе, который вёз их через весь город к окраине, где серые многоэтажки постепенно редели, уступая место низким больничным корпусам и голым деревьям, Марат подсел к ней и заговорил тихо, почти не разжимая губ:

– Слушай меня внимательно. То, что она сказала про «быть рядом», – это ловушка. Если ты будешь просто сидеть и чувствовать, как тебе жалко этих стариков, твой рейтинг будет средним, может, чуть выше среднего. Но если ты сумеешь найти в каждом что-то своё, что-то, что зацепит лично тебя, – тогда система взвояет от восторга. Они ищут не просто сострадание, они ищут индивидуальный отклик. Твою боль, наложенную на чужую. Поняла?

Алиса кивнула, хотя и не поняла до конца, потому что как можно накладывать свою боль на чужую, когда своей и так с избытком, только она запрятана глубоко, под слоями усталости и отчаяния, и неизвестно ещё, сумеет ли она её откопать по заказу.

Хоспис встретил их запахом – не лекарств, как она ожидала, а чем-то более тонким, почти неуловимым: смесью сухофруктов, старого дерева и едва уловимой сладости, от которой щипало в носу. Когда она спросила у медсестры, что это, та ответила просто:

– Это запах уходящих. Они начинают пахнуть иначе, зна-

ете, как листья осенью – ещё живые, но уже тронутые тлением.

Алиса сглотнула и вошла внутрь.

Их распределили по палатам, и Алисе достался мужчина в самом конце коридора, в комнате с окном, выходящим в пустой сад, где ветер гонял по асфальту последние листья. Борис Ильич – так представился он, когда Алиса робко присела на краешек стула у его кровати, – оказался стариком с удивительно живыми глазами на испитом, жёлтом лице, и эти глаза смотрели на неё не с той обречённостью, которую она ожидала увидеть, а с любопытством, даже с какой-то хитринкой, будто он знал про неё что-то, чего она сама не знала.

– Ну, здравствуй, милая, – сказал он, и голос у него оказался неожиданно сильным, с хрипотцой курильщика, хотя курить ему, наверное, давно запретили. – Ты, стало быть, из этих, новых, которые чувства наши измерять пришли? Я в новостях видел. Про эмпатов. Забавно у вас там, в городе, всё перевернулось: раньше люди работали руками, потом головой, а теперь, выходит, душой работать надо?

Он усмехнулся, но без злобы, а скорее с доброй иронией старого человека, который уже ничего не боится и может позволить себе говорить правду.

Алиса не знала, что ответить, потому что он сформулировал именно то, что она сама чувствовала последние дни, но боялась признаться даже себе: работа душой – звучит красиво, но что остаётся от души, когда её превращают в инстру-

мент? Вместо ответа она спросила, осторожно, боясь нарушить хрупкую тишину палаты:

– А вы кем были, Борис Ильич? До... до всего этого?

Старик оживился, приподнялся на подушках, и глаза его загорелись совсем по-молодому:

– Я? Учителем был. Сорок лет литературе детей учил. Достоевский, Толстой, Чехов – вот моя жизнь. А теперь вот лежу и думаю: научил ли я их главному? Чувствовать – не по программе, а по-настоящему? Ведь мы, старики, думали, что главное – знания передать, а оказалось, что знания без чувств – пустой звук. Вон вы, молодые, всё умеете, всё знаете, а плакать разучились. Или плачете только за деньги?

Этот вопрос ударил наотмашь, потому что Алиса вдруг поняла: она действительно не помнит, когда в последний раз плакала, не от жалости к себе, а просто так, от переполнявшего душу чувства. Она открыла рот, чтобы ответить, но слов не нашлось, и старик, заметив её замешательство, мягко накрыл её руку своей ладонью – сухой, горячей, с выступающими венами.

– Да ты не сердись, – сказал он тихо. – Я ведь не осуждаю. Я просто спрашиваю. Мы все тут, перед уходом, начинаем задавать вопросы, на которые при жизни не было времени. И знаешь, что самое страшное? Что ответы часто не радуют. Но ты ещё молодая, у тебя всё впереди. Только не дай им забрать у тебя главное.

– Что – главное? – выдохнула Алиса, чувствуя, как к горлу

подступает ком.

– Способность чувствовать просто так. Без причины, без выгоды, без оценки. Как дети чувствуют. Как мы чувствовали, когда любили первый раз. Это нельзя купить, продать или измерить. Это или есть, или нет.

Они говорили долго, и время потеряло счёт. Имплант у виска пульсировал, фиксируя каждую эмоцию, но Алиса перестала обращать на это внимание, потому что Борис Ильич рассказывал о войне, о том, как мальчишкой нёс на руках раненого друга и тот умирал у него на плечах, шепча имя девушки, которую так и не увидел; о том, как после войны встретил любовь всей жизни и потерял её через десять лет, когда она сгорела от рака за три месяца; о том, как остался один, но не озлобился, потому что понял: жизнь – это не то, что с тобой случается, а то, как ты на это смотришь.

– Вот ты, милая, – сказал он, глядя ей прямо в глаза, и его рука, сухая и горячая, снова накрыла её ладонь, – ты думаешь, что пришла сюда спасать меня своим состраданием, а на самом деле это я тебя спасаю. Потому что ты ещё живая, хоть и не чувствуешь этого. А живое всегда тянется к живому. Ты Достоевского читала?

Она кивнула, вспомнив стопку книг на полу в своей квартире, и он продолжил:

– Помнишь, у него: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил». Это про нас, про людей. Мы всё хотим быть или слишком хорошими, или слишком плохими, а надо

просто быть. Быть и чувствовать. Без оценки, без рейтинга. Просто так.

В этот момент Алиса почувствовала – нет, не слёзы, а что-то другое, более глубокое, идущее из самого нутра. Словно там, внутри, где годами копилась пустота, вдруг что-то сдвинулось, треснуло, и через эту трещину хлынул свет. Не яркий, не слепящий, а тёплый, почти забытый, тот самый, что она помнила из детства, когда отец читал ей «Белые ночи» и плакал в конце. Она смотрела на Бориса Ильича, на его жёлтое лицо, на руки в старческих пятнах, на капельницу, тянущуюся к вене, и думала о том, что этот человек, которому осталось жить, может, неделю, может, месяц, учит её, здоровую, полную сил, тому, что такое настоящая жизнь. И стыд – острый, жгучий, почти невыносимый – смешался с благодарностью и нежностью, и она вдруг заплакала – не по заказу, не для рейтинга, а просто потому, что не могла не плакать. И эти слёзы были солёными, тёплыми, живыми.

Имплант у виска ожил, предупреждая о перегрузке, но Алиса не обратила внимания. Она сидела, держа старика за руку, и плакала, а он гладил её по голове и приговаривал:

– Ну вот, ну вот, милая, прорвало. А то ходишь вся зажатая, как пружина. Плачь, плачь, это хорошо. Слёзы – они душу очищают.

И она плакала, и сквозь слёзы видела, как за окном ветер вдруг стих и последний лист, долго кружившийся на ветке, наконец оторвался и полетел вниз, плавно, почти торже-

ственно, словно прощаясь с летом.

Очнулась она только через час, когда в палату заглянула медсестра и сказала, что время посещения закончено. Борис Ильич спал, улыбаясь во сне чему-то своему. Алиса осторожно высвободила руку, вышла в коридор и долго стояла у окна, глядя на сад, на серое небо, на редкие фигуры людей в халатах, и чувствовала внутри странную лёгкость, будто с неё сняли груз, который она таскала годами, даже не замечая его тяжести.

В комнате для сбора, куда стекались участники, было тихо. Кто-то сидел, уткнувшись в пол, кто-то переговаривался, и лица у всех были разные: у одних – опустошённые, у других – просветлённые, у третьих – застывшие в маске профессионального участия. Алиса искала глазами Марата. Она нашла его в углу, где он сидел с отсутствующим видом. Когда она подошла, он поднял на неё глаза и сказал тихо:

– У меня девяносто шесть процентов. Почти идеал. А знаешь, что я чувствую на самом деле? Ничего. Абсолютно ничего. Я просто сидел с одной бабушкой, слушал её рассказы про внуков, а сам в это время гнал через интерфейс эмулятор, подмешивал эталонные паттерны. Система в восторге. А я... мне кажется, я хуже, чем те, кто тут реально плакал. Потому что я превратил чужую смерть в спектакль.

Алиса смотрела на него и не знала, что сказать. Её собственный рейтинг она ещё не видела, но чувствовала, что сегодня, впервые за долгое время, сделала что-то правиль-

но – не для системы, а для себя. И когда на общем экране появились результаты, она нашла свои цифры не сразу: 98% чистоты сострадания, лучший показатель в группе, а рядом примечание системы: «Зафиксирован уникальный эмоциональный комплекс: глубокая эмпатия с элементами катарсиса. Рекомендовано к занесению в базу эталонных реакций».

Алиса не обрадовалась. Она смотрела на экран и не чувствовала ничего, кроме горького понимания: Борис Ильич говорил правду. Душу не измерить процентами. Но система только что взвесила её слёзы, нашла их идеальными и выдала квитанцию – место в финале. Её живые, выстраданные слёзы стали просто билетом.

На обратном пути в автобусе она сидела у окна и смотрела, как за стеклом проплывают серые кварталы, как зажигаются первые фонари, как люди спешат по домам, и думала о том, что сегодня она прикоснулась к чему-то важному, к тому, что делает человека человеком, – к смерти, которая рядом, и к жизни, которая продолжается. А ещё она думала о Борисе Ильиче, о его глазах, о его словах про Достоевского и «широкого человека», и понимала, что этот старик, которого она, скорее всего, больше никогда не увидит, изменил в ней что-то навсегда.

В общежитии, уже ночью, когда стены светились мягким синим, а имплант тихо пульсировал в такт сердцу, она достала телефон и набрала сообщение матери: «Мама, я сегодня плакала. По-настоящему. Не по заказу. Просто так». И

через минуту пришёл ответ: «Я знала, доча. Ты у меня чувствительная. Я горжусь тобой». Алиса смотрела на экран и улыбалась – грустно, светло, почти счастливо, и в этой улыбке не было ни грамма стекла, только тепло, только жизнь, только она сама – настоящая, какая бывает, когда перестаёшь бояться чувствовать.

А за окном шумел ночной город, и где-то там, в хосписе на окраине, спал старый учитель литературы, которому она была обязана этим вечером, этим возвращением к себе, этой надеждой, что не всё ещё потеряно. И если завтра система снова попытается превратить её в инструмент, она вспомнит его глаза, его руку на своей ладони, его слова: «Быть и чувствовать. Без оценки, без рейтинга. Просто так». Кто знает, может быть, это поможет ей остаться человеком. Хотя бы чуть-чуть.

Хотя бы сегодня.

Глава 5: «Цена победы»

Сегодня ей снился мост.

Не тот, что она проектировала когда-то в бюро, – не бетонный, не статичный, а другой: длинный, ажурный, перекинутый через реку, которой не было на карте, но она точно знала, где эта река должна течь. По краям моста стояли двенадцать статуй – женские фигуры в длинных одеждах, и каждая выражала что-то своё: одна плакала, закрыв лицо руками, другая смеялась, запрокинув голову, третья застыла в ужасе, четвёртая – в нежности, и так все двенадцать, словно стражи, охраняющие переход между берегами. Над каждой статуей горел алый треугольный фонарик – ровно триста сорок штук, Алиса почему-то знала это число во сне, знала, что мост надо поставить именно там, на пятне-стране на потолке её старой квартиры, что он соединит берега, которые никто до неё не мог соединить. Она стояла посередине моста, считала фонарики, и ветер трепал её волосы, пахнущие свободой, а снизу доносился шум воды – живой, настоящей, не цифровой...

Пробуждение было резким, как всегда после таких снов, – и первое, что она увидела, был белый потолок общежития, без единого пятнышка, без намёка на карту неизвестной страны. Тишина стояла такая плотная, что закладывало уши, и только имплант у виска пульсировал ровно, спокой-

но, напоминая, что она больше не там, не на мосту, а здесь – в стеклянной клетке, где чувства считают и продают, где двенадцать статуй стали двенадцатью категориями эмоций, а алые фонарики – просто остаток на ее счету.

Алиса лежала, глядя в этот безупречный потолок, и думала о Борисе Ильиче, о его руке на своей ладони, о словах про «чувствовать просто так», и эти мысли грели где-то глубоко внутри, но одновременно с ними рос и страх – холодный, липкий, заползающий в душу змеёй: а вдруг она не пройдёт? Вдруг её два процента чистоты, отделяющие от идеала, окажутся решающими? И тогда – обратно, в пустую квартиру, к просрочкам и красному треугольнику на потолке, к материнским вздохам и чувству собственной никчёмности, от которого она так отчаянно пыталась сбежать.

Экран на стене загорелся в восемь утра, явив всё то же идеальное лицо виртуального ассистента, и голос, лишённый интонаций, произнёс: «Доброе утро, Алиса. Ваш коэффициент ночной регенерации: 73%. Качество сна: среднее. Рекомендуем выпить стакан воды и выполнить дыхательную гимнастику для оптимизации утреннего эмопотока. Сегодня в 10:00 состоится объявление результатов второго этапа отбора. Явка обязательна». Она хотела ответить, что её уровень тревожности не снизит никакая гимнастика, но промолчала – спорить с системой бесполезно, да и незачем.

В столовой, где участники завтракали в напряжённом молчании, Алиса увидела Лену. Девушка с веснушками си-

дела в углу одна, не прикасаясь к еде, и смотрела в одну точку перед собой. В этом взгляде было что-то такое, от чего у Алисы похолодело внутри: слишком пусто, слишком стеклянно, слишком похоже на ту самую девушку из холла в первый день отбора, которую она потом ни разу не встречала. Она подошла, села рядом, тихо спросила:

– Лена, ты как?

Лена медленно повернула голову, посмотрела на неё, и на мгновение в её глазах мелькнуло что-то живое – страх, узнавание, предупреждение, – но тут же погасло, уступив место всё той же пустоте.

– Я в порядке, – ответила Лена, и голос у неё был ровным, безжизненным, как у той голограммы. – Просто не выпалась. Всё будет хорошо. Ты не волнуйся.

Но Алиса волновалась. И не только за себя.

В десять утра их собрали в том же зале, где проходило первое обучение, – двадцать человек, прошедших хоспис, среди них Марат, сидевший с непроницаемым лицом, Лена, застывшая в углу, и остальные, чьи лица Алиса уже начинала различать. Доктор Вишневская появилась на подиуме с планшетом в руках, и её холодное красивое лицо не выражало ничего, кроме дежурной официальности.

– Поздравляю, – начала она без предисловий, и голос её разнёсся по залу. – Вы все прошли второй этап. Но дальше пойдут не все. Из пятисот кандидатов осталось двадцать. Сейчас я назову имена тех десяти, кто продолжит обучение и

получит шанс стать эмпатами высшей категории. Остальные десять получают компенсацию и будут переведены в резерв.

Она сделала паузу, и в этой паузе, казалось, остановилось само время. Алиса смотрела на экран за спиной Вишневской, где бежали строчки кода, и думала о том, что сейчас решится её судьба.

– Итак, – Вишневская подняла планшет, и на экране появился список. – В основной состав программы «Эмпатия» зачисляются: Алиса Ветрова, Марат Халимов, Елена Новикова...

Алиса не слышала остальных имён. Она смотрела на свою фамилию в списке, на девяносто восемь процентов чистоты рядом, и чувствовала не радость, а странную пустоту – будто то, к чему она так долго шла, вдруг потеряло смысл. Она перевела взгляд на Лену, надеясь увидеть в её глазах хоть каплю живого чувства, но Лена сидела всё с тем же стеклянным лицом.

После объявления результатов, когда суэта утихла, Лена подошла к Алисе сама, бесшумно, словно тень.

– Алиса, – сказала она тихо, почти шёпотом. – Нам надо поговорить. Сегодня ночью. Приходи в мою комнату, когда все уснут. Пожалуйста. Это важно.

И ушла, растворилась в коридоре, оставив после себя лёгкий запах – тот самый, из хосписа, запах уходящих.

Остаток дня прошёл как в тумане: инструктажи, знакомство с расписанием, экскурсия по этажам для избранных.

Алиса смотрела на всё это, но не видела – перед глазами стояло лицо Лены.

Марат, заметив её состояние, подошёл и спросил тихо:
– Ты чего такая? Случилось что?

Алиса поколебалась, но рассказала ему про Лену, про её странную просьбу, про запах уходящих, который преследовал её весь день.

Марат нахмурился, посмотрел по сторонам и сказал почти неслышно:

– Будь осторожна. Я читал про такие случаи. У некоторых эмпатов после долгой работы крыша едет. Они начинают видеть то, чего нет, слышать голоса. Может, у неё просто сбой. Но ты всё равно сходи. Только не одна. Я буду рядом, в коридоре. Если что – кричи.

Алиса кивнула, чувствуя благодарность и одновременно новый прилив страха.

Ночью, когда общежитие погрузилось в тишину и стены перестали переливаться цветами, оставшись просто стенами, тускло светящимися дежурным синим, Алиса выскользнула из комнаты и бесшумно прошла по коридору. Марат уже ждал за углом, слившись с тенью. Алиса встретила с ним взглядом и шагнула к двери Лены. Та открылась сразу, будто Лена ждала за ней всё это время.

Комната пульсировала тревожным красным, на экране горели предупреждения: «Критическое снижение эмпотока», «Риск эмоционального коллапса».

– Ты видишь это? – Лена проследовала за её взглядом. – Это я. То, что от меня осталось.

Она задрала рукав, и Алиса увидела не один шрам, а целую цепочку – пульсирующих алых отметин, уходящих вверх по руке.

– В прошлом я была как ты, – сказала Лена, и голос её дрогнул. — Такая же живая, с лучшими показателями в группе. Я думала, что чувствую глубже, чище, лучше других. А потом перестала понимать, где мои чувства, а где – заказанные. Это как жить в доме с зеркальными стенами: ты видишь только отражения, но не знаешь, где ты сама.

Она замолчала, провела пальцем по шрамам.

– Я ушла. Решила, что справлюсь сама. Но система не отпускает просто так. Головные боли были такие, что хотелось разбить голову об стену. Эмоции – настоящие, свои – ушли совсем. Я не могла ни плакать, ни радоваться. Просто пустота. И тогда я поняла: без чувств нет жизни. Я вернулась. Добровольно. Сама.

Алиса смотрела на неё и не верила.

– Они знали, что я вернусь, – горько усмехнулась Лена. – Знали и ждали. Потому что такие, как я, – идеальные работники. Мы уже попробовали жизнь без них и поняли, что не можем. Нам нужна эта доза. И они дают её. В обмен на нас самих. Каждый раз, когда я выбирала остаться, система оставляла напоминание. – Она коснулась шрамов. – Я думала, что смогу контролировать, что буду брать только нужное,

но они забирают всё. Капля за каплей. И теперь... теперь я знаю правильный выбор. Знаю, но уже поздно.

– Какой выбор? – выдохнула Алиса.

– Уйти, пока ещё есть куда. Пока ты ещё помнишь, кто ты без них. Я не ушла вовремя, и теперь... посмотри на меня. Это ты через год. Или через два. Они не отпускают своих. Никогда.

Она протянула руку, коснулась щеки Алисы – пальцы были холодными, почти неживыми.

– Запомни этот вечер, – сказала Лена на прощание. – И когда придёт время выбирать, вспомни. Пожалуйста.

Алиса вышла в коридор, где ждал Марат, и долго не могла вымолвить ни слова. Она смотрела на дверь комнаты Лены, за которой только что оставила живого человека, и чувствовала, как внутри разрастается холод.

А потом на двери внезапно щёлкнул замок, и на информационной табличке загорелось сообщение:

Елена Новикова, комната 412.

Время смерти: 23:47.

Предварительная причина: суицид.

Вход только для сотрудников безопасности.

Алиса смотрела на эти строчки, и они не укладывались в голове. Только что она держала Лену за руку. Только что слышала её голос. А теперь – сухие строчки на холодной двери. Как будто речь шла о сломанном оборудовании, а не о человеке.

Она не заметила, как Марат схватил её за руку и потащил прочь по коридору. Она не слышала его шёпота: «Быстро, сейчас охрана приедет». Ноги сами переставлялись, тело двигалось автоматически, а в голове пульсировало только одно: «Её больше нет. Это неправда».

Марат втолкнул её в её комнату, захлопнул дверь и прижал палец к губам.

– Тихо, – выдохнул он.

Она кивнула, не понимая, что делает. Тело слушалось, а душа осталась там, в коридоре, перед той дверью с горячей табличкой.

Они с Маратом просидели в её комнате до утра. Не говоря ни слова. Просто существуя в одном пространстве, разделяя общую боль и страх – каждый внутри своей скорлупы, куда не достучаться, не вломиться, не согреть.

Алиса смотрела в стену, которая давно перестала пульсировать красным и теперь светилась ровным дежурным синим, и думала о Лене. О её веснушках, о её испуганной улыбке в день первого задания, о её шёпоте: «Ты сегодня была настоящей. Со мной». О том, как она держала её за руку всего несколько часов назад – и вот руки нет, есть только опечатанная дверь в конце коридора и запах, который ветер ещё не успел унести.

Она не плакала. Слезы кончились ещё в хосписе, вместе с теми, настоящими, что так высоко подняли её рейтинг. Внутри была только звенящая пустота – не та, холодная и

мёртвая, о которой говорила Лена, а другая, похожая на тишину после взрыва, когда уже не больно, но ещё страшно пошевелиться, потому что не знаешь, уцелел ли ты сам.

Марат сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и смотрел в одну точку. Его лицо, обычно живое, насмешливое, сейчас казалось высеченным из камня – ни эмоции, ни мысли, только усталость и что-то похожее на вину, спрятанное глубоко внутри.

Первым заговорил он, когда за окном забрезжил рассвет и красный свет на стенах сменился бледно-жёлтым.

– Ты как? – спросил он тихо, не глядя на неё.

Алиса пожала плечами. Движение вышло деревянным, неживым.

– Не знаю. Я... я не понимаю, как теперь с этим жить. Она же была здесь. Говорила со мной. А теперь...

Она не договорила. Марат кивнул – медленно, словно каждое движение давалось ему с трудом.

– Я читал про такие случаи, – сказал он. – Когда система отбраковывает тех, кто слишком много знает. Или слишком много чувствует. Лена была из вторых.

– Она говорила, что вернулась сама. Что не могла без них жить. Головные боли, пустота...

– Это правда, – перебил Марат. – имплант не отключить просто так. Он врастает в мозг, становится частью тебя. А без системы начинается ломка – хуже любой наркотической. Она вернулась, потому что у неё не было выбора. Или боль,

или смерть при жизни. Она выбрала смерть.

Алиса посмотрела на свои руки, на едва заметную пульсацию импланта у виска. Скоро это станет и её реальностью. Если она останется – будет как Лена, медленно теряющая себя. Если уйдёт – будет как Лена после ухода, с головными болями и пустотой, от которой хочется биться головой об стену.

– Что мне делать? – спросила она, и голос её дрогнул, выдавая тот самый страх, который она так старательно прятала всё это время.

Марат долго молчал, глядя куда-то в сторону. Алиса видела, как на его скулах играют желваки – он боролся с собой, с желанием сказать правду, которая была горькой и беспощадной, но вместо этого, когда он повернулся, в его глазах было что-то другое – не жалость, а решимость, от которой Алисе стало чуть легче дышать.

– Слушай, – начал он тихо, но твёрдо. – Я не знаю, что нас ждёт. Никто не знает. Лена... она прошла этот путь одна. А у тебя есть я. Это уже не ноль. Это уже что-то.

Он помолчал, подбирая слова.

– Система сильна, да. Она будет пытаться сломать тебя, переделать, сделать удобной. Но ты не одна. Я буду рядом. Буду смотреть, слушать, замечать. И если увижу, что ты начинаешь меняться – я скажу тебе. Я вытащу тебя. Обещаю.

Алиса смотрела на него, и в её глазах блестели слёзы – не отчаяния, а благодарности.

– Правда? – спросила она шёпотом.

– Правда, – Марат усмехнулся краешком губ. – Только ты тоже должна мне помогать. Не закрывайся, не прячься. Говори мне, что чувствуешь. Даже если это больно. Даже если страшно. Договорились?

Алиса кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Она хотела улыбнуться, но вместо улыбки вышли слёзы – те самые, настоящие, которые она считала уже потерянными. Она плакала беззвучно, глядя в окно, и Марат не мешал ей, только протянул бумажный платок и отвернулся, давая время успокоиться.

Утром, коридоры наполнились напряжённой тишиной, Алиса вышла и направилась к комнате Лены. Дверь была опечатана, за ней не слышалось ни звука. Только запах – тот самый, из хосписа, запах уходящих, – витал в воздухе, напоминая о том, что смерть здесь такая же часть системы, как и эмоции, как и рейтинги, как и импланты, пульсирующие у висков.

Она постояла минуту, глядя на опечатанную дверь, и вдруг вспомнила утренний сон – мост, двенадцать статуй, алые фонарики. Триста сорок штук, ровно столько, сколько было у неё на счету в тот день, когда всё началось. Ей показалось, что Лена теперь – одна из тех статуй, застывшая в вечном крике, охраняющая переход для тех, кто идёт следом. И если она, Алиса, сможет пройти по этому мосту, не упав, не превратившись в камень, – значит, Лена умерла не напрасно.

– Я не забуду, Лена, – тихо сказала она. – Я постараюсь не стать такой, как ты боялась. Я постараюсь остаться собой.

И пошла дальше – в новый день, в новую жизнь, в новую игру, где правилами управляют цифры, а живые только делают вид, что выбирают. Она шла одна, потому что Марат остался в комнате – у него были свои счёты с системой, своя боль, свой путь. Они встретятся ещё, Алиса знала это, но сейчас каждый должен был пройти своё испытание в одиночку.

За спиной осталась опечатанная дверь, за которой когда-то жила девушка с веснушками, верившая в лучшее и проигравшая. Впереди был стеклянный коридор, ведущий к новой жизни – страшной, непонятной, но единственной, которая у неё была.

Алиса сделала шаг. Потом другой. И ещё один.

Она шла в свою новую квартиру, к своему первому контракту, к своей новой жизни – и не знала, что её ждёт. Но знала одно: она будет бороться. За себя. За Лену. За ту девочку, которая когда-то бежала босиком по лужам и верила, что чувствовать – это просто.

За окном падал снег – первый в этом году. Белый, чистый, холодный. Алиса остановилась у окна в конце коридора, прижалась ладонью к стеклу и почувствовала холод – настоящий, живой, не цифровой.

Он проникал сквозь стекло, сквозь кожу, сквозь имплант, добираясь до самого сердца. И сердце это билось. Живое.

Настоящее. Ещё не проданное.

Пока ещё не проданное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.